

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова

НОВОЕ
В АРХЕОЛОГИИ
КАЗАХСТАНА

108283

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА . 1968

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА

Курганные могильники, оставленные древними скотоводами, являются самым многочисленным видом археологических памятников на территории Казахстана. Большими могильниками и малыми группами, состоящими из нескольких курганов, тянутся они по степям и полупустыням республики, вплотную подступая к оседло-земледельческим центрам Средней Азии, Южного Казахстана и нередко топографически смешиваясь с могильниками древних земледельцев. Курганы встречаются и там, где других памятников нет. Не случайно, что именно с этого типа памятников началась познавательная деятельность, касающаяся древностей Казахстана. Уже в конце XVII в. и особенно в XVIII в. в научной литературе появляется ряд ценных сведений и материалов о памятниках I-го тысячелетия до н. э. У истоков археологического изучения Казахстана стояли крупные ученые: Н. К. Витзен, Д. Е. Мессершмидт, Ф. Страленберг, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, В. В. Радлов и др. Помимо них известны десятки краеведов-любителей конца XIX — начала XX вв., таких как С. И. Гуляев, А. П. Аниховский, М. Копалов, В. Никитин, И. А. Абрамов, Н. Кошкин, А. А. Козырев, И. А. Кастанье, А. Адрианов, в служебных поездках и в свободное от работы время проводивших исследования и раскопки курганных могильников.

К началу 30-х годов нашего столетия относятся первые массовые раскопки, осуществленные двумя экспедициями Государственной Академии истории материальной культуры. Одна из них (П. С. Рыков, М. П. Грязнов, М. И. Артамонов, И. В. Сеницын), наряду с другими работами, исследовала несколько курганов в районе совхоза «Гигант» близ Караганды¹. Вторая экспедиция (Б. Н. Граков) раскопала в бассейне р. Ори (Актюбинская область) серию курганов с до-

¹ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). «Известия ГАИМК», 110. М. — Л., 1935.

вольно интересным инвентарем². Несмотря на то, что материалы были опубликованы лишь частично, высокий профессиональный уровень раскопок позволяет считать работы этих экспедиций качественно новым этапом археологического изучения памятников Казахстана.

Во второй половине 30-х годов на территории Семиречья и Южного Казахстана начинается исследовательская работа А. И. Бернштама, уделявшего большое внимание, среди многообразия других проблем, изучению памятников эпохи раннего железа. Раскопав ряд опорных комплексов, таких как могильники Берккара, Кенкол, отдельные курганы Алма-Атинской области, Чуйской и Таласской долин, А. И. Бернштам создал первую историко-археологическую периодизацию древностей Семиречья³. Эта классификация и другие его историко-археологические тезисы⁴ оказали решающее влияние на весь последующий ход и перспективы археологического изучения Семиречья.

В середине 40-х годов расширяет зону исследований, охватив низовья Сыр-Дарьи (Кзыл-Ординская область), Хорезмская экспедиция, руководимая С. П. Толстовым. В сравнительно короткий срок ею были открыты три мощных очага культуры племен раннежелезного века: комплекс анаснакских памятников в верховьях Жана-Дарьи, тохарских в бассейне Куван-Дарьи и накар-дарьинская группа памятников саков — хаумаварга⁵. Значение этих работ заключается не только в открытии новых памятников малоизученной территории. Экспедиции впервые удалось доказать, что хозяйственный уклад скотоводческих племен Казахстана никогда не представлял собой единой и вставшей кочевой экономики, а отличался большим разнообразием.

Исследования показали, что в I тысячелетии до н. э. на территории Казахстана сформировались три крупные культурно-хозяйственные зоны. Первая из них, в бассейне р. Сыр-Дарьи и прилегающих районах Южного Казахстана, характеризуется оседлым скотоводческо-земледельческим направлением хозяйства с довольно сложной системой ирригации⁶. Особенностью второй, семиреченской, зоны является полукочевой характер скотоводства сакко-тиграуды⁷.

² А. Г. Максимова, Предметы эпохи ранней кочевников в Центральном Казахстане (г. Алма-Ата). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 1, 1966.

³ А. И. Бернштам, Основные этапы истории Семиречья и Тянь-Шаня, С.А., т. XI, 1949.

⁴ В то же, Чуйская долина, гл. III, МНА СССР, 14, 1960; Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая, гл. III, МНА, 26, 1962.

⁵ С. П. Толстов По древним долинам Окса и Яксарта. М., 1962.

⁶ Там же, стр. 126—201.

⁷ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, Древняя культура саков в усуней долине р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 3—4.

и, наконец, скотоводческим направлением хозяйства в его наиболее оптимальных рамках отличались племена Центрального Казахстана и некоторых других районов⁸.

В первый послевоенный год на территории республики развернувшись свои многолетние работы Восточно-Казахстанская (С. С. Черников) и Центрально-Казахстанская (А. Х. Маргулам) археологические экспедиции. К числу выдающихся открытий первой экспедиции следует отнести результаты раскопок пятого и седьмого чилкиктинских курганов. В книге, посвященной публикации и анализу чилкиктинской коллекции, ставится ряд проблем скифо-сакской археологии. Она привлекает новизной некоторых идей, а главное — поисками путей решения ряда традиционно спорных вопросов⁹. Очень важен значительный материал, полученный экспедицией по другим памятникам (Усть-Буконь, Славянка, Юпитер, Кула-Журга, Ваты и др.). К сожалению, в полном объеме последний до сих пор не выпущен в свет, а имеющиеся краткие публикации в значительной мере устарели.

В первые годы работы Центрально-Казахстанской экспедиции хронологическая амплитуда ее исследовательских интересов была велика. Надо сказать, что этот фактор вообще характерен для казахстанской археологии, впрочем, как и для среднеазиатской, и составляет как бы традиционную особенность археологической службы республики. Исследование памятников эпохи раннего железа не составляло тогда первоочередной задачи, поскольку изучение древностей Сары-Арка пришлось начинать почти с нулевого цикла, для которого одинаково важны памятники всех эпох.

В начале 50-х годов разведочными раскопками А. Х. Маргулама были определены районы наибольшей концентрации археологических памятников и намечены две узловые проблемы (эпоха бронзы и раннего железа), изучение которых и составило главное направление археологии Центрального Казахстана. С середины 50-х годов этап изучения «топографического фона» сменился этапом стационарных раскопок. К сегодняшнему дню только в центральных районах Казахстана раскопано около 300 курганов I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.

В результате этих работ открыта новая этнокультурная группа племен сакского времени. Новые данные позволили создать историко-археологическую периодизацию, изучить ряд вопросов экономики и культуры, определить место и роль центральноказахстанских племен среди других скифо-сакских племен Евразии.

С 1954 г. начался, а затем, после двухлетнего перерыва, были

⁸ М. К. Кадырбаев, Памятники тасмолинской культуры. В кн. «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 409—415.

⁹ С. С. Черников, Загадка золотого кургана. М., 1966.

продолжены большие работы в Семиречье и Южном Казахстане. Материалы Бешатырского могильника и других памятников, исследованных К. А. Акишевым, Г. А. Кушаевым, А. Г. Максимовой, Е. И. Агеевой¹⁰, позволили разработать более детальную периодизацию памятников раннежелезного века этих районов. Они в то же время сделали материально осязаемой культуру саков и усуней, известную до того больше всего по письменным источникам и немногочисленным раскопкам А. Н. Бернштама.

Нельзя не отметить итоги работы двухлетних экспедиций отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР в районах освоения целинных и залежных земель. Здесь изучались и картографировались памятники разных эпох, в том числе и эпохи раннего железа.

Ценные материалы получены И. В. Синицыным по Западному Казахстану.

Первым представлением о памятниках сакского времени Северного Казахстана наука обязана М. П. Грязнову, много сделавшему также и в теоретической разработке некоторых вопросов сложения и развития кочевых обществ Казахстана.

Интенсивный приток материалов позволил за последнее десятилетие перейти к новому этапу изучения — созданию классификационных схем и историко-археологических периодизаций памятников раннежелезного века Казахстана.

Наибольшее количество материала собрано в настоящее время по археологии VII—III вв. до н. э., причем в территориальном отношении он распределяется довольно равномерно по всем узловым районам распространения сакской культуры (Центральный и Восточный Казахстан, Семиречье и Южный Казахстан). Это дало возможность исследовать и разработать основы хронологии памятников сакского времени. Предлагаемые в настоящей статье две таблицы иллюстрируют общие принципы классификации основных типов вооружения и конской узды Казахстана в VII—III вв. до н. э.

Вооружение. На территории Казахстана и далее на восток (Минусинская котловина) в раннесакское время получают наибольшее распространение две группы бронзовых наконечников стрел: двулопастная втульчатая листовидной и асимметрично-ромбической форм

¹⁰ Е. И. Агеева. Курганные могильники северо-восточной части Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР», серия истории, 1959, вып. 36 (11); е е же. Новые данные по археологии Семиречья. КСИИМК, 1960, вып. 80; е е же. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 12, 1961; А. Г. Максимова. Усунские курганы левобережья р. Или. «Известия АН КазССР», серия истории, 1959, вып. 1 (9); е е же. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИИМК, 1960, вып. 80; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. соч.

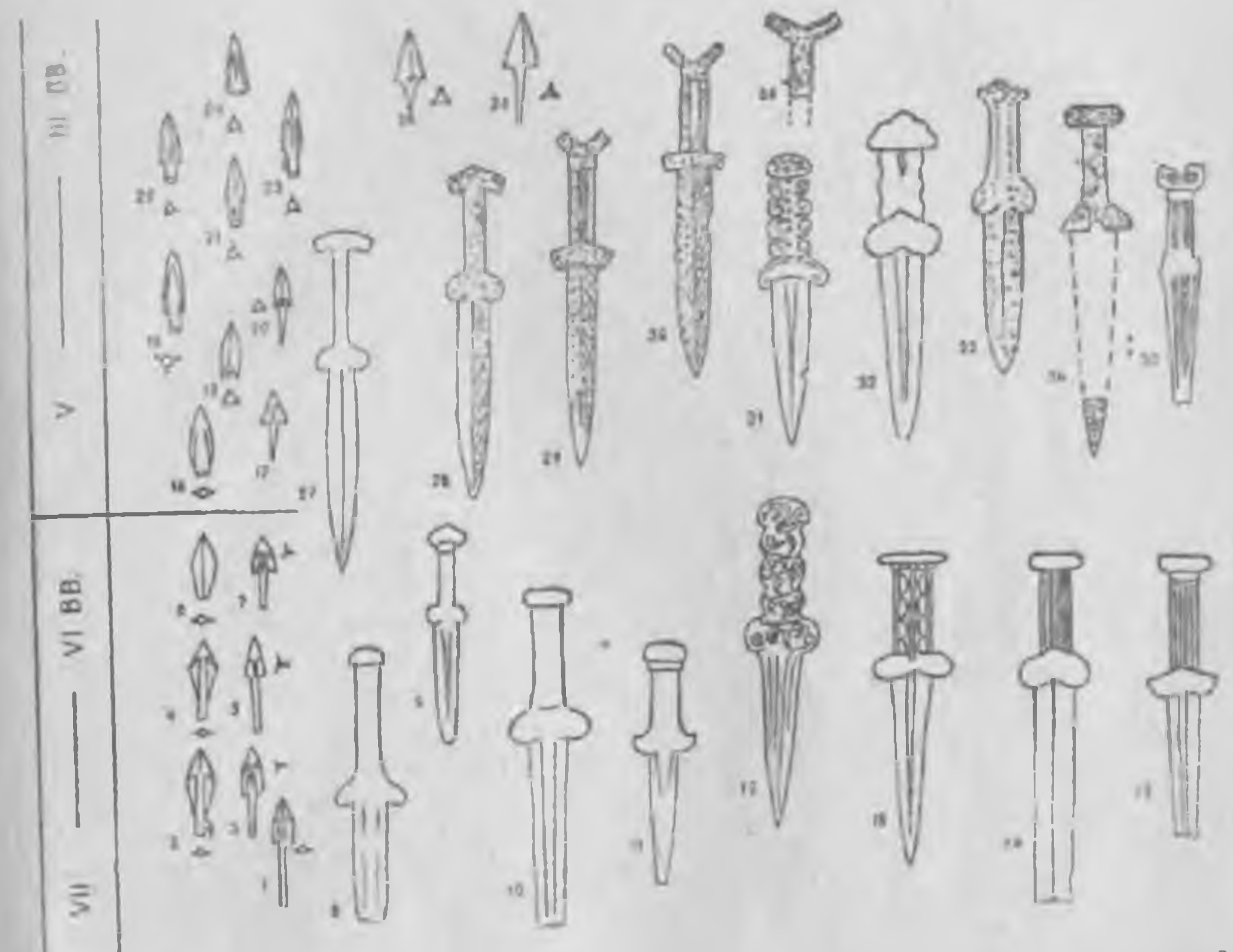

Рис. 1. Вооружение племен Казахстана сакского времени: 1—6 — Карамурун I, курган 5; 7, 12 — Нурманбет IV, курган 1; 8 — случайная находка с Алтая; 9 — случайная находка близ дер. Вавиловки; 10 — случайная находка из г. Степняк; 11, 31 — случайные находки близ г. Павлодара; 13 — случайная находка из Семипалатинской области; 14, 15 — случайные находки из Актюбинской области; 16 — Кииксу, курган 5; 17, 18, 27 — Усть-Буконь; 19, 22, 23 — Тасмола III, курган 2; 20 — Карамурун II, курган 3; 21 — Карамурун I, курган 5а; 24—26, 36 — Карамурун II, курган 1; 28 — Коргантас, курган 1; 29 — Айдабуль II, курган 1; 30 — Кзылту; 32 — случайная находка близ Кокчетава; 33 — Бешатыр I, курган 15; 34 — Вавилонка, Семипалатинская область; 35 — случайная находка из Кустанайского района.

и трехлопастная черешковая разных типов (рис. 1, 1—7). Особо важно, что обе группы теснейшим образом связаны с более ранними андроновскими прототипами середины II тысячелетия до н. э.¹¹ Имеющиеся материалы (Боровской могильник, Джеламбет, Семипалатинские дюны, Малокрасноярка, Кланай, Атасу, Степняк, Азеп-аул, Дандыбай, Вегазы) показывают, что северная полоса казахстанских степей, состоящая из центральных, северных и восточных районов, была одним из центров возникновения обеих групп наконечников. Сугубо восточным типом, в целом не распространявшимся западнее Приаралья, являются трехлопастные черешковые наконечники (рис. 1, 3, 5, 7). Еще в конце II тысячелетия этот тип приобретает устойчивые формы, отличаясь от раннесакских наконечников лишь более длинным черешком (Азеп-аул, Вегазы). Довольно рано, в карасукское время, он проникает в Минусинскую котловину¹². Далее на восток, в Монголию, трехлопастные и трехгранные черешковые стрелы распространяются лишь в VI—V вв.¹³

Буквально в единицах находят на территории Казахстана (Аул, Карамурун) двухлопастные черешковые наконечники с центральным прожилком (рис. 1, 1)¹⁴. В гораздо большем количестве они известны в Передней и Средней Азии. Восточной границей распространения единичных экземпляров этих наконечников является Монголия¹⁵.

Интересно, что в раннесакских памятниках Казахстана, во всяком случае в его центральной и северной полосах, отсутствуют ступчатые трехлопастные наконечники, столь широко распространенные в Скифии и Сарматии. Эти «скифо-мидо-персидские» наконечники проникают сюда, как можно судить по имеющемуся материалу, во второй половине VI в. до н. э. и только в V в. до н. э. они начинают вытеснять обе ранние группы казахстанских стрел.

В V—III вв. господствующими типами становятся трехлопастные ступчатые и трехгранные со скрытой ступкой и выступающими шипами наконечники (рис. 1, 18, 19, 21—23). Следует особо подчеркнуть, что бронзовые черешковые наконечники стрел не исчезли в этот период. В III—II вв. до н. э. они нашли свое продол-

¹¹ К. А. Авишев. Культура саков долины р. Иты. В кн. «Древняя культура...», т. III, § 1.

¹² Н. Л. Членова. Основы проблемы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. В сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1962, стр. 281.

¹³ В. В. Волков. Бронзовые наконечники стрел из музея МИР. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 24.

¹⁴ Мнение об исчезновении этих наконечников в IX—VIII вв. до н. э. ошибочно (К. А. Авишев. Указ. раб., стр. 118).

¹⁵ В. В. Волков. Указ. раб., стр. 23, рис. 4.

жение в железных трехлопастных черешковых стрелах (рис. 1, 25—26).

Другим видом сакского вооружения являются кинжалы. Из двадцати известных для этого времени находок лишь восемь обнаружены при археологических раскопках с точно зафиксированным погребальным обрядом и инвентарем.

Наибольшее количество кинжалов казахстанской серии характеризуется бабочковидными или близкими к ним по форме перекрестиями. Источник их происхождения еще не вполне ясен. Однако не эта группа является наиболее ранней.

В позднеандроновское время на территории Восточного и Центрального Казахстана известны пять экземпляров кинжалов с «шипами»¹⁶. Все они имеют небольшое, грибовидной формы навершие, зачаточную форму перекрестия в виде выступающих «шипов», переходящих в широкий клинок. Рукояти двух кинжалов оформлены продольным желобком (Баты, Семипалатинск), а клинок одного — широким прожилком (пос. Палады). Анализ состава металла показывает, что они принадлежат к числу местных изделий¹⁷. Из восточных районов Казахстана происходит еще одна ранняя группа кинжалов с так называемой «обособленной» рукоятью, причем она существует с ножками той же формы рукояти¹⁸.

В типологическом отношении обе казахстанские группы кинжалов теснейшим образом смыкаются с карасукскими формами и, надо полагать, составляют единую казахстано-сибирскую основу происхождения кинжалов «с шипами» раннесакского времени (рис. 1, 8).

Уже отмечалось, что большинство известных кинжалов относится к более позднему времени. Среди них VII — началом VI вв. до н. э. могут датироваться два кинжала с массивными брусковидными навершиями из Степняка и Шидерты (рис. 1, 10—11). К этому же времени относятся кинжалы с рубчатыми рукоятками и брусковидными навершиями савроматского типа (рис. 1, 14—15).

Во второй половине VI в. до н. э. у степных племен Казахстана и Алтая появляются своеобразные кинжалы с ломаными брусковидными навершиями. Наиболее ранняя их форма представлена акипакскими с почковидными перекрестиями из Вавилонки (Семипалатинск) и Варнаулского района (рис. 1, 9).

К V в. до н. э. относится усть-буковинский кинжал (рис. 1, 27), найденный вместе с железным ножом, точильным камнем и бронзо-

¹⁶ С. С. Чернышев. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. УИА, 88, 1960, стр. 166 и табл. LXVI, с. 10; X, 1.

¹⁷ Там же, стр. 84.

¹⁸ Там же, стр. 83.

вой бляшкой в виде фигуры хищника¹⁹. Его датировку подтверждают найденные в соседнем кургане трехлопастные черешковые и трехгранные со скрытой втулкой наконечники стрел. Первый тип мог бы датироваться и более ранним временем, однако усть-буконьские наконечники имеют прямые грани оперения, а главное, сопровождаются втульчатыми трехгранными наконечниками, известными в Казахстане лишь с V в. до н. э.

Ко второй половине V и к началу IV вв. до н. э. относится недавно открытый в могильнике Коргантас (Центральный Казахстан) железный акинак (рис. 1, 28) в комплексе с типичными для этого времени наконечниками стрел. Насколько можно судить по публикациям, акинаки с ломаным навершием не встречаются за пределами Казахстана, имеется лишь отдаленное сходство их с одним из савроматских мечей²⁰. Их следует, видимо, причислить к сугубо казахстанскому типу оружия.

В пределах V—III вв. размещается группа железных кинжалов с «рожковидными» навершиями (рис. 1, 29—30, 36). Крайние даты этой группы определяются находками из Айдабуля и Карамуруна²¹.

Рассмотренный тип кинжалов не составляет, в отличие от предыдущего, какой-то локальности. Он известен в Южной Сибири и Средней Азии. Любопытно также определенное сходство «рожковидных» наверший восточной серии акинаков с навершиями ряда мечей раннепрохоровской культуры²².

Для степных районов Казахстана и Алтая известна еще одна группа кинжалов с фигурными рукоятями и грибовидными навершиями (Нурманбет, Шидерты, Мариинск, Змеиногорск). Наиболее ранний из них (рис. 1, 12), обнаруженный в погребении могильника Нурманбет, с трехперыми черешковыми стрелами и бронзовым ножом с кольцевидным навершием относится ко второй половине VI в. до н. э. Поздняя дата для этого типа кинжалов — IV в. до н. э. — определяется бронзовым зеркалом с длинной ручкой, найденным вместе с кокчетавским акинаком (рис. 1, 32)²³. В промежутке между этими датами располагаются, очевидно, и два остальных кинжала. Упомянутая серия кинжалов, вероятно, местного происхождения. Об этом свидетельствуют, например, навершия, прошедшие ту же эволюцию от

¹⁹ С. С. Черников. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г. КСИИМК, 73, 1959, стр. 105, рис. 40, 1, 7.

²⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 105, рис. 6, 2.

²¹ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры, рис. 66.

²² К. Ф. Смирнов. Указ. раб., рис. 5, 3—7, рис. 7, 8—10.

²³ М. И. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 1956, LXI, стр. 11.

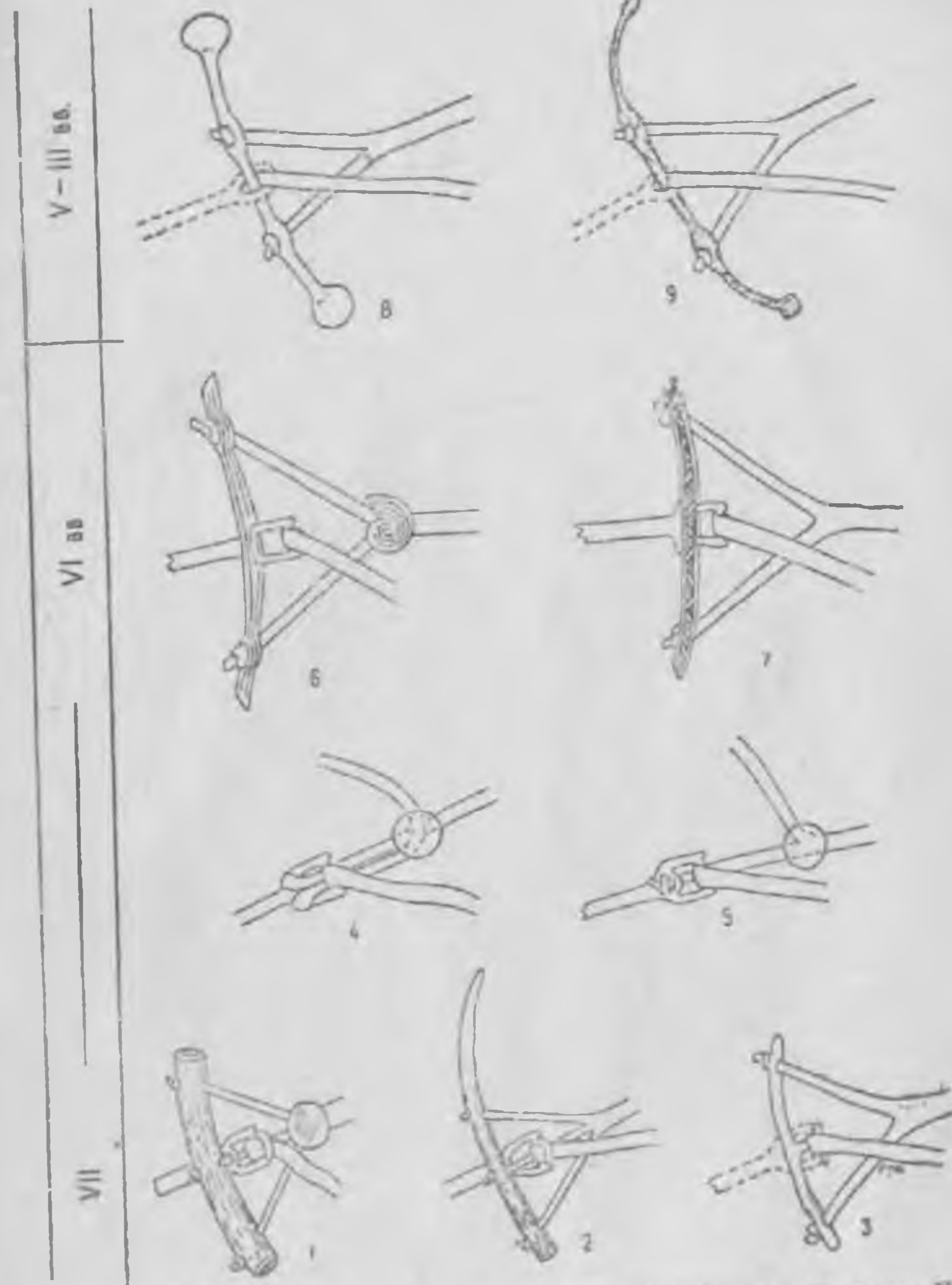

Рис. 2. Удила и псалки сарматского времени из Казахстана: 1 — Тасмола VI, курган 1; 2, 5 — Тасмола V, курган 2; 3 — случайная находка из Северного Казахстана; 4, 7 — Тасмола V, курган 3; 6 — Тасмола I, курган 19; 8 — Коргантас, курган 3; 9 — Боганаты, курган 1 (раскопки Г. Б. Здановича).

грибовидной формы эпохи поздней бронзы, что и тагарские кинжалы. То же самое подтверждают и волютообразные рельефы на рукоятках, андроновские истоки которых убедительно показаны М. П. Грязновым¹.

Конская узда. В раннесаянских памятниках Казахстана распространены четыре типа бронзовых удиц: стремечковидные с дополнительным отверстием и без него, удила с прямоугольными окончаниями и кольчатые. Последний тип, судя по совместным находкам со стремечковидными удилами с дополнительным отверстием, в Сибири и Казахстане возник гораздо раньше, чем в Скифии. Стремечковидные удила с дополнительным отверстием принадлежат к числу ранних и широко распространенных казахстанских экземпляров (рис. 2, 1, 5). В принципе соединения с псалями оголовья они сходны с киммерийскими двукольчатыми удилами, но отличаются от них по форме. В Казахстане киммерийских удиц не найдено, в дотагарских же коллекциях они известны в единичных экземплярах. Каким путем и когда попала в Минусинскую котловину эта устойчивая и широко распространенная на западе форма, ответить в настоящее время не возможно, ибо все находки двукольчатых удиц происходят из случайных сборов. Во всяком случае уже на первом этапе тагарской культуры удила с двойными наружными кольцами полностью вытесняются стремечковидными казахстанского типа.

В казахстанских погребениях VII—VI вв. до н. э. обращает на себя внимание взаимовстречаемость обоих типов стремечковидных удиц. Они употребляются с трехдырчатыми роговыми, костяными и бронзовыми псалями разнообразных форм. Нет, однако, сомнений, что удила с дополнительным отверстием старше по возрасту и, возможно, появились еще в начале VIII в. до н. э. Далее на запад, в Скифию распространилась в конце VIII — начале VII вв. до н. э. производная форма первого типа — менее громоздкие и более практичные стремечковидные удила без дополнительного отверстия (рис. 2, 2). У саков же Казахстана и Алтая в VII и VI вв. до н. э. продолжают бытовать оба типа. То же самое наблюдается в Южной Сибири.

Помимо специфичного для Северного и Восточного Казахстана сочетания удиц с двудырчато-крючковидными псалями (рис. 2, 3) в трех погребениях Центрального Казахстана был открыт тип удиц с прямоугольными концами и трехдырчатыми псалями, центральное насадочное отверстие которых расположено перпендикулярно к двум боковым (рис. 2, 6, 7). Это довольно ранний тип. Достаточно вспомнить, что принцип двуплановости в расположении отверстий известен еще по роговым и костяным псалям андроновской и срубной

культур. К. Ф. Смирнов довольно четко показал доволжско-казахстанские истоки таких псаблей, употреблявшихся с мягкими удилами². Этот вывод подтверждается также на материалах Атасуского поселения (роговые псабли на жилища № 7). Такой принцип очень скоро в Передней Азии используется в металлической узде³. Недавно археологические находки в низовьях Сыр-Дарьи (Уйгарак) и случайные коллекции из Семиречья определяют теперь область наибольшей концентрации удиц с прямоугольно-валиковыми окончаниями и двуплановыми насадочными псалями. Есть основание полагать, что область расселения сако-массагетских племен Южного Казахстана и Семиречья явилась районом окпичательного формирования указанного типа узды. Отсюда он распространялся вплоть до северо-восточных районов Казахстана. На других территориях находки подобной узды неизвестны. Большое влияние на генезис этой конструкции, исчезнувшей в Казахстане, по-видимому, в конце VI в. до н. э., оказали кавказские и переднеазиатские удила с напускными псалями.

В двух погребениях Центрального Казахстана VII—VI вв. до н. э. (курганы № 2, 3 могильника Тасмола) зафиксирован уникальный случай крепления стремечковидных удиц непосредственно с ремнями оголовья (рис. 2, 4—5). Псалям здесь отсутствовали. Приведенные факты говорят о существовании в раннесаянское время оригинального типа узды без псалей.

Хорошо известно, что в V в. до н. э. происходит смена конструкции узды (рис. 2, 8, 9). В это время господствует однокольчатая форма удиц. Следует только учитывать, что сами по себе кольчатые удила возникли гораздо раньше. В южносибирских коллекциях они известны с карасукского времени. Аналогичная картина, правда, пока более позднего характера, наблюдается и в Казахстане (Иссыкский кляп, Тасмола II). Поэтому кольчатые удила могут служить хронологическим показателем V в. до н. э. лишь в том случае, если они документированы совместными находками с двудырчатыми псалями.

Параллельно с разработкой классификационных осей саянской археологии продолжается усиленная мобилизация письменных источников для решения вопросов расселения древних племен на территории республики, казахстано-переднеазиатских связей в эпоху скифо-сакских походов VII в. до н. э. На основе археологических данных, с привлечением письменных источников, изучаются экономика и общественный строй этих племен, их культурно-хозяйственные

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних псаблях Поволжско-Уральских степей. СА. 1, 1961.

² К. Ф. Смирнов. Указ. раб., стр. 85—87.

связи с родственными племенами других районов Евразии, определяются или уточняются границы распространения отдельных культур и их локальных вариантов. Интенсивно разрабатываются вопросы антропогенеза племен 1-го тысячелетия до н. э. и т. д. Накопление материала приводит к постановке новых вопросов и проблем.

К числу главных нерешенных задач относится проблема происхождения сакской культуры и весь круг связанных с ней вопросов. Причина неудовлетворительного состояния разработки этой важной проблемы заключается, на наш взгляд, в несовершенстве периодизации предшествующих культур эпохи бронзы. Так, например, по-

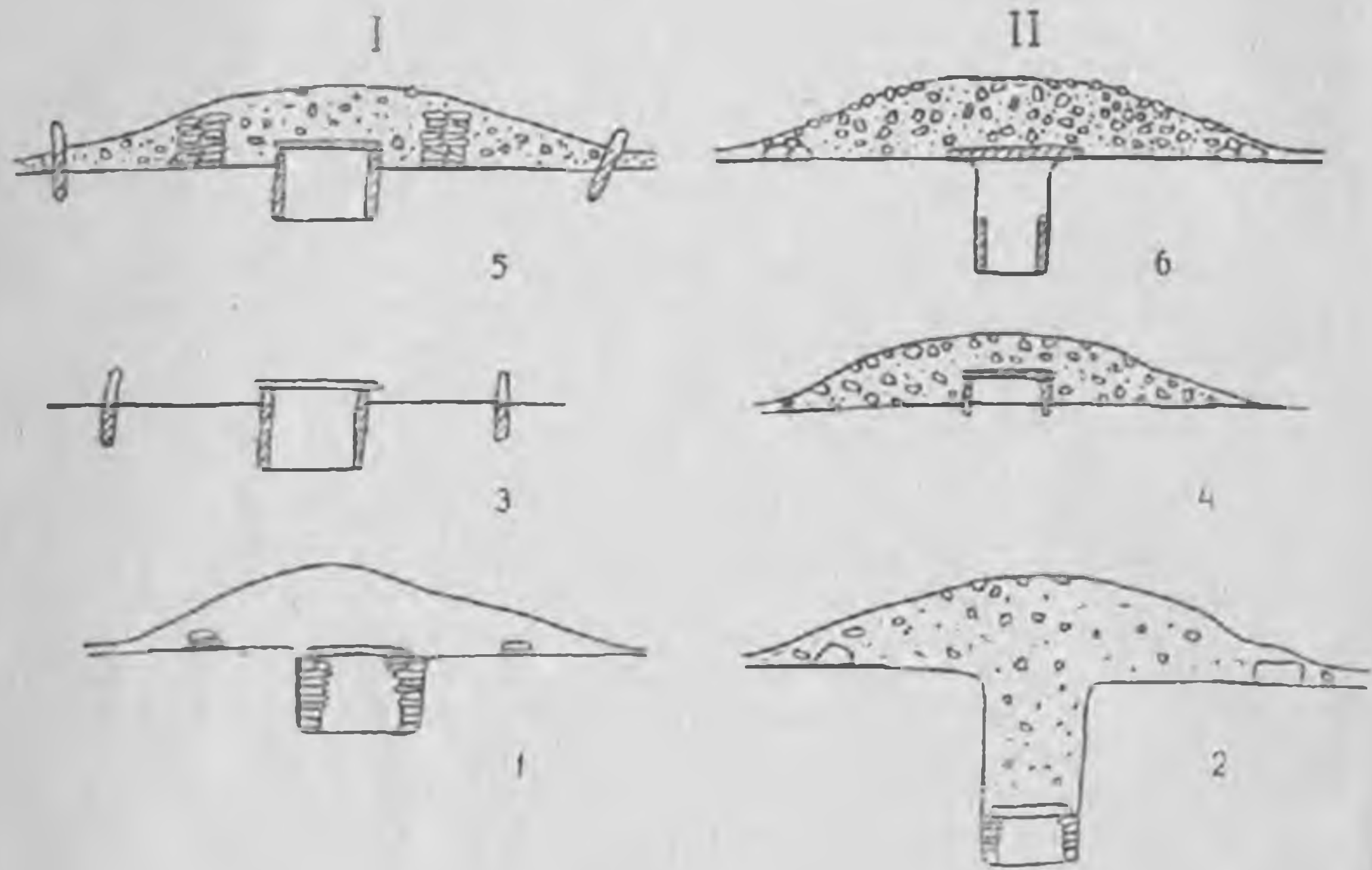

Рис. 3. Некоторые типы погребальных сооружений: I — эпоха бронзы, II — эпоха раннего железа. 1 — Аксу I, курган 1; 2 — Талды II, курган 6; 3 — Карасай, ограда 1; 4 — Карабие, курган 5; 5 — Ортау II, курган 2; 6 — Толагай, курган 1.

пытки проследить преемственность между дандыбай-бегазинской культурой и культурой типа Тасмола до сих пор не привели к убедительным результатам. Очень интересную картину демонстрирует сравнение погребального обряда некоторых курганов ранних кочевников с памятниками позднеалакульского и замараевского времени, минуя дандыбай-бегазинскую культуру (рис. 3). Та же самая преемственность прослеживается как будто и по керамике (рис. 4). Для

окончательного решения этого вопроса необходима интенсивная работа по выявлению рядовых погребений X—VIII вв. до н. э.

За последние годы в центральных, северных и восточных районах Казахстана открыто значительное количество памятников так называемого «замараевско-ивановского» типа. Теперь особенно остро встает вопрос о соотношении замараевской и дандыбай-бегазинской культур Центрального Казахстана. Как известно, между этими культурами мало точек соприкосновения. Памятники замараевского типа в абсолютной хронологии исследователи обоснованно относят к X—VIII вв. до н. э. Характер почти всех памятников этого периода (огрубение керамического производства, постройка сравнительно легких жилищ наземного типа) показывает, что в X—VIII вв. происходит сложный процесс перестройки экономики, быта и социальных отношений. Выход из острого экономического кризиса стал возможен лишь в VIII в. до н. э., когда потомки андроновцев перешли к качественно новой хозяйственной основе — кочевому скотоводству.

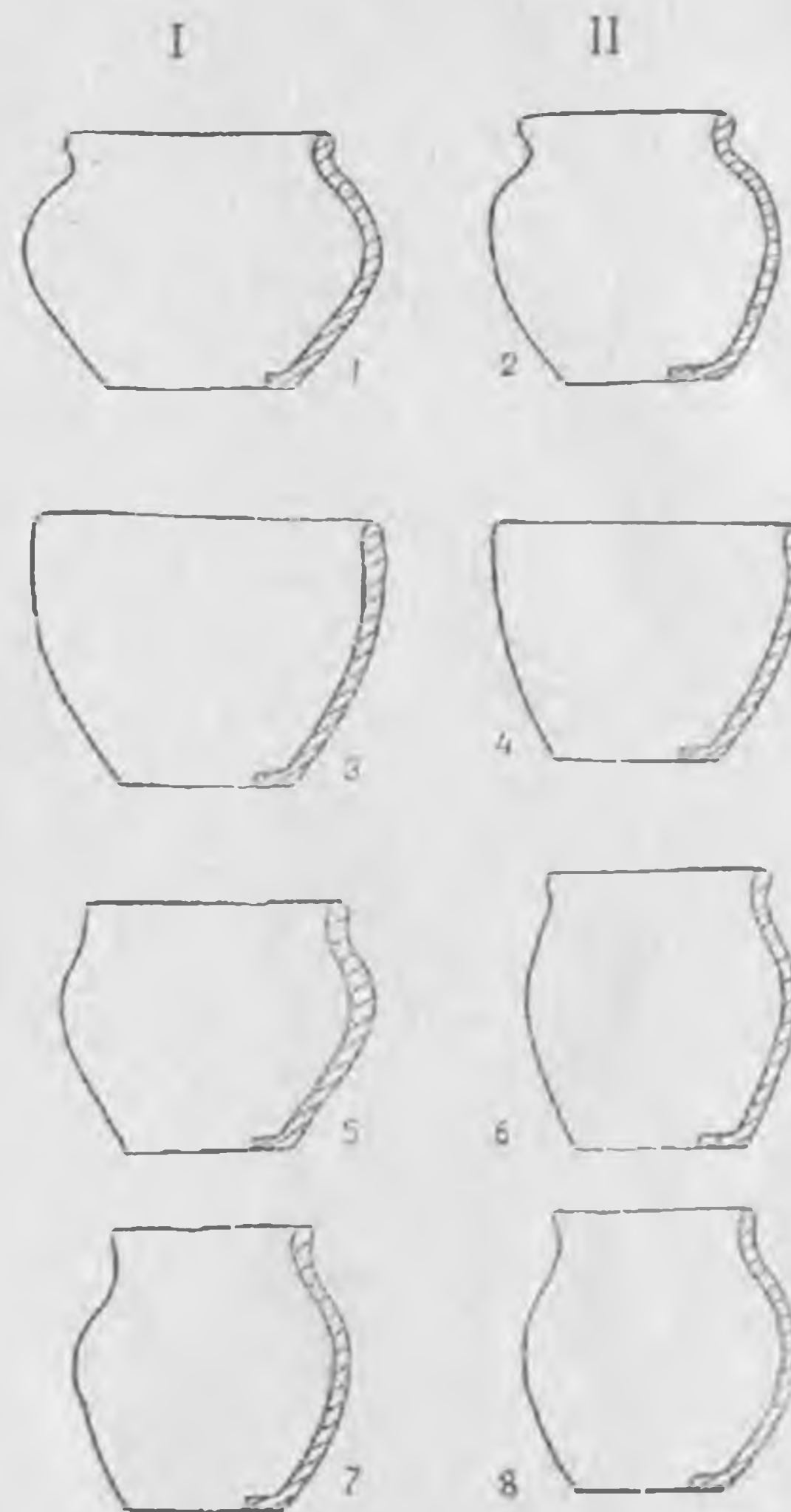

Рис. 4. Некоторые формы глиняных сосудов: I — эпоха бронзы, II — эпоха раннего железа. 1, 3, 5 — Айдарлы, ограда 1, 5; 2 — Коргантас, курган 2; 4 — Борлы, курган 3; 6 — Ботакара, курган 48; 7 — Аксу, ограда 3; 8 — Коргантас, курган 1.

С памятниками же дандыбай-бегазинского типа подобной метаморфозы не происходит. Высокое архитектурно-строительное совершенство погребальных комплексов типа Бегазы, Бугулы II, Аксу-Аюлы II, Ортау II, Дандыбай и других, богатство и пышность сопровождающего инвентаря представляются вершиной культурно-хозяйственных достижений андроновских племен и в то же время рубежом, за которым наступает полоса экономического упадка племен бронзового века. Даже рядовые погребения дандыбай-бегазинской культуры (Бугулы II, ограды 1, 3, 6, 9—11) выделяются на фоне подобных погребений андроновской культуры сравнительным богатством керамики и погребальной обрядности. Совершенно закономерны поэтому попытки пересмотреть датировку дандыбай-бегазинской культуры и отнести ее к концу II тысячелетия до н. э.²⁷ Работа в этом направлении позволит также значительно удревнить начало процесса разложения первобытнообщинного строя, рамки которого сегодня чрезмерно сжаты во времени.

С проблемой пересмотра периодизации культур эпохи бронзы связаны и другие вопросы. В отличие от карасукской культуры, которую некоторые исследователи (С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, Н. Л. Членова) считают пришлой в Южную Сибирь, памятники типа Дандыбай-Бегазы обнаруживают тесную связь с андроновской культурой. Она проявляется прежде всего в конструкции погребальных сооружений. Андроновские каменные ящики из вертикально составленных плит, диски, ограды всевозможной конфигурации — все это одинаково характерно и для дандыбай-бегазинских памятников. Разница между ними сводится в основном к тому, что последние отличаются большей масштабностью и разнообразием форм.

Традиции андроновской культуры отчетливо прослеживаются и в керамике. В то же время в дандыбай-бегазинской керамике известна большая серия сосудов карасукского типа, не имеющая прецедента в андроне. Истоки подобной керамики неясны, но широкое ее распространение от Северного Ирана до Южной Сибири — бесспорно явление общего порядка. И, может быть, не лишено оснований мнение Н. Л. Членовой о появлении этих форм со Среднего Востока²⁸.

Неодинаковая степень археологической изученности отдельных периодов эпохи раннего железа определяет, разумеется, и круг первоочередных задач.

Уже отмечалась хронологическая неопределенность древнейшей границы сакских памятников. Гораздо хуже обстоит дело с верхними

²⁷ М. П. Грязнов, *Восточное Приаралье*. В кн. «Средняя Азия в эпоху бронзы и железа», М.-Л., 1966, стр. 177.

²⁸ Н. Л. Членова, *Карасукская культура в Южной Сибири*. История Сибири (макет), т. 1, Улан-Удэ, 1964, стр. 273—274.

«этажами» сако-усуьской хронологии. За исключением Илийской долины и одного-двух районов Южного Казахстана у нас до сих пор нет убедительных археологических комплексов, раскрывающих хотя бы в общих чертах историю племен конца I тысячелетия до н. э., рубежа и первых веков н. э. Между тем этот период имеет исключительное значение для правильного понимания генезиса оседлых поселений и городов южной полосы Казахстана и истории формирования крупных племенных объединений кочевников, сыгравших основную роль в этногенезе казахов.

Памятники рубежа и первых веков н. э. — недостающее звено и в решении других вопросов. К их числу относится, например, проблема существования восточного очага полихромного искусства. Недавние находки ювелирных изделий в Чялисте, Алакульской впадине и материалы Канаттаса, Кара-Агача, Каргалы, Шамси, Коктала характеризуют не только временные, но, может быть, и пространственные границы становления и расцвета этого очага полихрома.

Среди вопросов, имеющих прямое отношение к проблеме этногенеза, интерес представляет гипотеза К. А. Акишева о ранней монголизации сако-усуьских племен, начавшейся задолго до середины I тысячелетия до н. э.²⁹ С этой проблемой связан и вопрос о языковой принадлежности посетителей сакской и усуьской культур.

Первое положение находит подтверждение в краеведческих материалах из Приаралья³⁰. В свете этих данных стоит, очевидно, вновь вернуться к гипотезе Н. А. Аристовой, поддержанной затем А. Н. Бернштамом, А. Х. Маргуланом, В. Ф. Шахматовым и А. Абдрахмановым, о тюркоязычности некоторых сакских племен Семиречья и Южного Казахстана. Во всяком случае эта точка зрения не является столь парадоксальной, как это считает Л. Н. Гумилев³¹. Бесспорно, однако, что ее постановка потребует более кропотливой работы по анализу языковых форм и этимологии основы, чем это делалось до сих пор. Вольшей последовательностью должна отличаться и теория ранней монголизации саксов Семиречья. Краеведческий материал, на котором в настоящее время основан этот вывод, крайне противоречив³² и к тому же довольно поздний³³. Для его подтверждения требуется значительная серия сакских черепков, точно датированных археологическим материалом.

²⁹ К. А. Акишев, *Культура саксов...*, стр. 19—20.

³⁰ С. П. Толстов, *По древним дельтам...*, стр. 201; Т. А. Трофимова, *Ранние саксы Приаралья (по данным антропологии)*. Доклад на Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии 2 февраля 1967 г.

³¹ «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 182—184.

³² К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, *Указ. раб.*, стр. 94, 149—150 и др.

³³ В. В. Гинабург, *Материалы и антропология древнего населения Юго-восточного Казахстана*. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1969, стр. 260.

За последние годы, в связи с постановкой ряда многоплановых проблем этнической истории скифов, саков и других племен, особую остроту приобретает вопрос о соотношении общих и частных принципов, определяющих облик той или иной археологической культуры³⁴. Причины несогласованности в этом вопросе в немалой степени объясняются тем, что мы не всегда последовательно и в полной мере учитываем дуализм сравнительного метода. Этот метод, как известно, универсальный. Мы применяем его и для хронологии отдельных вещей или комплексов, и для определения этнокультурных границ. В последнем случае сравнительный метод обнаруживает как бы двойственный характер. Он применяется, во-первых, для доказательства своеобразия интересующей нас группы памятников путем сопоставления отдельных локальностей между собой и, во-вторых, для определения общих границ типологического ряда — своеобразных культурно-исторических зон, объединяющих варианты одной категории или типа. Это должны быть две стороны объективной оценки вещественных источников.

Забвение или неполный учет особенностей сравнительного метода — одна из причин различных толкований термина «культура». Та же причина вызывает к жизни диаметрально противоположные теории: сплошных миграций или гипертрофированного автохтонизма. Именно так до недавнего времени решались проблема происхождения скифов и другие вопросы.

Наиболее реальным подходом к ликвидации нашей несогласованности представляется предложение А. П. Смирнова дифференцировать понятие термина «культура», употребляя его прежде всего в собирательном смысле, для характеристики большого круга культур одного типа, и затем в значении культуры второго порядка для обозначения локальных вариантов единой культурно-исторической области³⁵. Так на территории Казахстана и Южной Сибири теснейшие связи прослеживаются между горно-степными племенами, оставившими уйгаракско-тагискенский, тасмолинский, майэмирско-назырыкский, тагарский, уюкский и другие комплексы памятников. Эти памятники характеризуют собой культуры второго порядка или локальные варианты сакской культурной общности.

Проводимые под таким углом исследования помогут решению общих и частных проблем археологии раннежелезного века.

³⁴ А. П. Смирнов. Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века. КСИА, 94, 1963, стр. 7.

³⁵ А. П. Смирнов. Понятие «археологической культуры». Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1963, стр. 6—9.